Динамика образа войны в русском языковом сознании (психолингвистический аспект)

Р. А. Кафтанов

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу изменений, связанных с образом войны в русском языковом сознании, на материале психолингвистических ассоциативных экспериментов. Результаты анализа могут применяться в комплексной гуманитарной экспертизе, направленной на мониторинг этнополитической ситуации в рамках своевременной диагностики зарождающихся конфликтов. Сравнительно-сопоставительный анализ русских ассоциативных баз, полученных в разные годы, позволил вскрыть динамику связей, образуемых словом *война* на макроуровне (в ядре языкового сознания) и на микроуровне (в ассоциативном поле, объединяющем реакции на слово-стимул *война*). Сравнение с материалами иноязычных ассоциативных баз (британской, американской, французской и испанской) позволило выявить специфику смысловой структуры общерусских образов языкового сознания, а также универсальные образы, характерные для русского языкового сознания и языкового сознания европейских народов. С помощью ассоциативного эксперимента, проведенного с российскими военнослужащими, выявлены профессиональные особенности связей, образуемых словом *война*. В языковом сознании военных слово *война* образует большое количество ассоциативных связей, тогда как в обыденном сознании это понятие не обладает высокой степенью актуальности. Во всех анализируемых ассоциативных базах к наиболее частотным ассоциатам, вызванным словом *война*, относятся слова *мир* и *смерть*. При этом если в европейских ассоциативных базах разных лет неизменным остается высокая частотность реакции *мир*, образующей вместе со стимулом *война* универсальную дихотомию, то в языковом сознании русских в течение последних сорока лет на первое место по частотности вышла ассоциация «война – смерть». Различия в степени устойчивости дихотомии «война – мир» в языковом сознании русских и европейцев могут быть связаны с изменчивостью смысловой наполненности обоих членов дихотомии, о чем свидетельствуют результаты их этимологического анализа, предпринятого в ходе данного исследования.

Ключевые слова

война, мир, структура ассоциативного поля, универсальное и профессионально специфичное, русские ассоциативные базы данных и словари

Для цитирования

Кафтанов Р. А. Динамика образа войны в русском языковом сознании (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 149–160. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160

Dynamics of the Image of War in the Russian Language Consciousness (Psycholinguistic Aspect)

Roman A. Kaftanov

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the psycholinguistic analysis of changes the image of war has been undergoing in the Russian language consciousness. The research of the word *war* on the basis of psycholinguistic associative experiments can open access to the understanding of meanings given to the word by typical native speakers, as well as to the understanding of images that arise in their linguistic consciousness. A comparative analysis of the Russian associative bases

obtained in different years made it possible to reveal the dynamics of connections formed by the word *war* at the macro level (in the core of linguistic consciousness) and at the micro level (in the associative field including reactions to the word-stimulus *war*). Comparison of the data of Russian and European (British, American, French and Spanish) associative bases exposed the common and the Russian-only of the semantic structure of the image of war in linguistic consciousness of nations under analysis. An associative experiment made with Russian military servicemen helped reveal professional features of the associations evoked by the word *war*, primarily, a higher degree of relevance of the concept *war* evidenced by a great number of associative connections. In all associative bases under analysis, the most frequent reactions caused by the stimulus *war* are the words *peace* and *death*. However, the European associative bases demonstrate stability of the high frequency of reaction *peace* in the course of years, while in the Russian linguistic consciousness the *war* – *death* association has become more frequent in the last forty years. This phenomenon may be related to the variability of the meaningfulness of the both members of the universal dichotomy *war* – *peace*, as evidenced by the results of their etymological analysis undertaken in this research. The word *peace* in various languages originally meant “harmony, integrity”, than “the absence of war”. This original meaning seems to be more correlated to the primary meaning of the concept of war in Romance and Germanic (“confusion”), than to the historic denotation of the term to “hunting, stalking” in Slavic and Baltic languages. The results of the psycholinguistic analysis do not reveal any signs of heightened militarism in the Russian mass consciousness. The war is perceived by native Russian speakers as a negative phenomenon, which instills confidence in the predominance of peace-loving traits in the Russian national character.

Keywords

war, peace, language consciousness, structure of the associative field, universal and professionally specific, Russian associative databases and dictionaries

For citation

Kaftanov, Roman A. Dynamics of the Image of War in the Russian Language Consciousness (Psycholinguistic Aspect). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 149–160. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160

Введение

Война сопровождает человечество на протяжении всей его истории (хотя некоторые исследователи указывают на факты существования обществ без войн [Turnbull, 1987; Fry, Söderberg, 2013]). Американский физик Р. Смолли считает, что война – шестая из десяти проблем, с которыми человечество столкнется в ближайшие 50 лет (после энергетического кризиса, истощения водных ресурсов, проблемы продовольственного снабжения, разрушения окружающей среды, роста бедности) [Smalley, 2005. P. 413–414]. Неслучайно феномен войны волнует представителей различных научных областей: историков, социологов, антропологов, психологов, философов.

В социологии и психологии широкое распространение получили идеи о естественности войны, которая «вытекает из самой природы вещей, имеет под собой твердую биологическую основу, и на практике ее едва ли можно избежать» [Фрейд, 1992. С. 335]. Другие доводы в пользу естественности войны как проявления природы человека приводятся в [Joost, Meerloo, 2009; Šmihula, 2013]. Противоположная точка зрения состоит в том, что война имеет исторические и социальные корни. Подобные идеи высказываются в [James, Friedman, 2006]. Среди причин, порождающих войны, исследователи видят: рост населения и нехватку ресурсов [Мальтус, 1993], сочетание в некоторых регионах большого количества молодых мужчин с нехваткой постоянной мирной работы [Fuller, 2003; 2004], экономическую конкуренцию между странами [Фромм, 1994; Fearon, 1995].

Война является одной из важнейших тем философских исследований. Некоторые мыслители оправдывали войну, как необходимость: Г. В. Ф. Гегель [1978. С. 229], Ф. Ницше [1990. С. 34], В. С. Соловьев [1999. С. 11], Н. А. Бердяев [2012. С. 240], Ф. М. Достоевский [1981] и др. Гуманистическая критика войны связана с именами Эразма Роттердамского [Трактаты о вечном мире, 2003. С. 30] и И. Канта [1966. С. 264] (см. также [Орехов, 2014. С. 63]). Идеи пацифизма получили свое философско-этическое развитие в произведениях Л. Н. Толстого, А. Швейцера, Д. Л. Андреева, Б. Рассела, О. Хаксли и др.

Таким образом, феномен войны входит в круг объектов исследования гуманитарных наук. Данные этих наук в сочетании с данными психолингвистики могут послужить основой ком-

плексной гуманитарной экспертизы, направленной на мониторинг этнополитической ситуации. Такой мониторинг способствовал бы своевременной диагностике зарождающихся конфликтов. Кроме того, комплексная гуманитарная экспертиза может быть «направлена на поиск путей оптимизации гибких ресурсов развития в системе образования» [Шапошникова, 2017. С. 124] с целью формирования у подрастающих поколений асертивных поведенческих и мировоззренческих моделей, повышающих адаптивность к экстремальным ситуациям.

Решение этих задач предполагает изучение сознания человека, в том числе психолингвистическими способами. Один из таких способ заключается в овнешнении сознания другого человека с помощью языковых знаков (слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов). «Совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» [Тарасов, 2000. С. 26], в отечественной психолингвистике получило название «языковое сознание». Поскольку «сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев, 1993. С. 20], языковое сознание имеет национально-культурную специфику.

Один из методов исследования языкового сознания и его образов состоит в анализе ассоциативно-вербальной сети, полученной при помощи ассоциативного эксперимента. Ассоциативно-вербальная сеть позволяет системно и целостно моделировать языковую картину мира носителя языка [Черкасова, 2014. С. 406]. Следовательно, с помощью ассоциативно-вербальной сети исследователь может «выявить влияние особенностей культуры на образы языкового сознания ее носителя» [Уфимцева, 2011. С. 236–237].

Психолингвистическое исследование слова *война* может открыть доступ к пониманию того, какие смыслы вкладывают в это слово носители данного языка и культуры, какие типичные образы возникают в их языковом сознании.

Для исследования этого вопроса мы использовали следующие источники:

- САНРЯ – «Словарь ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева, на основе данных ассоциативного эксперимента, проводившегося с 1969 по 1972 г.;
- РАС – «Русский ассоциативный словарь» Ю. Н. Караулова и др., на основе данных ассоциативного эксперимента, проводившегося с 1986 по 1997 г.;
- ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус Г. А. Черкасовой и Н. В. Уфимцевой, на основе данных ассоциативного эксперимента, проводившегося в европейской части России с 2008 по 2013 г.;
- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных И. В. Шапошниковой и А. А. Романенко, на основе данных ассоциативного эксперимента, проводившегося в азиатской части России с 2008 по 2013 г.

Эти ассоциативные базы могут рассматриваться в качестве эталонных для анализа общерусского языкового сознания в синхронно-диахронном аспекте [Шапошникова, 2017].

В 2015 г. в одном из высших военных учебных заведений, находящихся на территории Сибирского федерального округа, нами был проведен ассоциативный эксперимент среди курсантов с целью выявления особенностей профессионального языкового сознания. Результатом этого эксперимента стал подкорпус ассоциаций военных в системе СИБАС (далее – ПВАС).

Во временном плане указанные источники можно представить как словари трех поколений жителей нашей страны: САНРЯ – словарь первого поколения, РАС – второго, ЕВРАС, СИБАС и ПВАС – третьего.

Ассоциативные базы САНРЯ, РАС, ЕВРАС и СИБАС позволяют выделить ядро русского языкового сознания. Ядро объединяет слова, которые «имеют наибольшее число связей, т. е. вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов» [Караулов, 2000. С. 194], представляют особое значение для испытуемого как личности и отражают «самые емкие понятия, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения» [Залевская, 1990. С. 149].

Ассоциативные связи слова «война» по данным психолингвистических экспериментов

Данные ассоциативных экспериментов показали, что слово *война* либо не входит в ядро языкового сознания (САНРЯ, ЕВРАС, СИБАС), либо расположено близко к границе ядра (как в РАС, где это слово имеет ранг 73¹). На основании этого факта мы можем сделать вывод о том, что понятие, выраженное словом *война*, не обладает высокой степенью актуальности в сознании рядового носителя русского языка.

Однако это суждение справедливо и в отношении носителей других языков, о чем свидетельствуют материалы ассоциативных экспериментов. Так, в ядре английского языкового сознания, полученном А. А. Залевской [1981] на материале ЕАТ слово *war* имеет ранг 70. В ядре французского языкового сознания, выведенном из ассоциативного словаря DAF, слово *guerre* имеет ранг 56. В испанской ассоциативной базе (Санчес Пуиг и др., 2001) слово *guerra* вообще не входит в ядро языкового сознания. Таким образом, относительно невысокая степень актуальности понятия «войны» для обыденного сознания имеет универсальный характер.

На фоне этого резко выделяется ядро ассоциативных доминант ПВАС, где слово *война* имеет ранг 3. Такой высокий ранг свидетельствует в пользу актуальности этого слова и выражаемого им понятия для тех, чья профессиональная деятельность связана с войной.

Во всех рассматриваемых нами ассоциативных базах слово *война* было использовано в качестве одного из стимулов. Полученное в результате ассоциативное поле (далее – АП) ВОЙНА представляет интерес для нашего исследования, так как каждое отдельное АП «является отражением тех знаний, которые стоят за словом в данной культуре» [Уфимцева, 2015. С. 84].

В табл. 1 приведены характеристики АП ВОЙНА в САНРЯ, РАС, ЕВРАС и СИБАС. Характеристики и содержание АП ВОЙНА в ПВАС приведены в табл. 2. В списках реакций после каждой реакции стоит цифра полужирного начертания, обозначающая количество испытуемых, ответивших данным словом на стимул ВОЙНА. Несколько разных реакций с одним и тем же индексом частотности расположены в алфавитном порядке и отделяются друг от друга точкой с запятой.

Мы полагаем, что сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативных полей, созданных вокруг одного и того же стимула, позволяет не только вскрыть различия, обусловленные профессиональной принадлежностью испытуемых (гражданские или военные), но и обнаружить изменения, которые претерпели образы и акцентуации смыслов, связанные с понятием «война», в течение 40 лет (с момента публикации САНРЯ).

Семантика высокочастотных реакций на стимул ВОЙНА во всех рассматриваемых ассоциативных базах указывает на то, что в массовом сознании война характеризуется негативными оценками, является противоположностью миру и источником бедствий, в первую очередь, смерти: высокой устойчивостью обладают реакции *мир* и *смерть*. Между тем сравнительно-сопоставительный анализ данных табл. 1 и 2 позволяет выявить ряд различий в семантике и интенсивности высокочастотных реакций АП ВОЙНА в рассматриваемых источниках.

1. В ассоциативных базах САНРЯ и РАС самая частотная реакция – *мир*, тогда как в ЕВРАС, СИБАС и ПВАС самая частотная реакция – *смерть*.

2. Наблюдается снижение частотности отсылок к Великой Отечественной войне в словарях третьего поколения. Мы уже не видим реакции *Отечественная* среди высокочастотных, как это наблюдается в САНРЯ и РАС.

¹ Здесь и далее величина ранга обратно пропорциональна частотности реакции. Другими словами, ранг 1 присваивается слову, вызванному максимальным количеством стимулов.

Таблица 1

Ассоциативное поле ВОЙНА в русских ассоциативных базах

Table 1

Frequency of reactions *peace* and *death* to stimulus *war* in Russian associative bases

Показатель	САНРЯ	РАС	ЕВРАС	СИБАС
Всего реакций	205	631	535	498
Различные реакции	82	211	160	159
Одиночные реакции	57	146	105	116
Устойчивые реакции	148	485	430	382
Высокочастотные реакции (свыше 1 % АП)	мир 56 ; ужас 11 ; Отечественная 9 ; страшная 7 ; не нужна; ужасная 6 ; жестокая; народная; разруха; разрушительная; смерть 4 ; горе; захватническая; кровь; ненужная; страшно 3	мир 92 ; миров 51 ; и мир 41 ; смерть 28 ; Отечественная 18 ; страшная 17 ; ужас 14 ; мировая 13 ; жестокая 12 ; горе; народная 9 ; кровь; страх 7	смерть 83 ; мир 62 ; миров 38 ; и мир 33 ; кровь 21 ; ужас 13 ; плохо 12 ; оружие 11 ; боль; зло 10 ; страх 9 ; мировая 8 ; жестокая; разруха; убийство 6	смерть 77 ; мир 53 ; миров 37 ; и мир 35 ; кровь 26 ; зло 15 ; страх 11 ; горе 10 ; боль; оружие; убийство 8 ; плохо 7 ; жестокая; ужас 6

Таблица 2

Ассоциативное поле ВОЙНА в подкорпусе военных ассоциаций в системе СИБАС

Table 2

Frequency of reactions *peace* and *death* to stimulus *war* in non-Russian associative bases

Показатель	ПВАС
Всего реакций	666
Различные реакции	222
Одиночные реакции	150
Устойчивые реакции	516
Высокочастотные реакции (свыше 1 % АП)	смерть 83 ; мир 65 ; миров 52 ; зло 30 ; и мир; плохо 23 ; победа 19 ; страх 14 ; мировая 12 ; скоро 8 ; кровь 7

3. Наблюдается постепенное снижение частотности эпитетов, характеризующих войну. Если в САНРЯ война в сознании испытуемых описана как *страшная 7*; *ужасная 6*; *жестокая 4*; *разрушительная 4*; *ненужная 3*, для испытуемых РАС война *страшная 17* и *жестокая 12* (количество высокочастотных эпитетов сократилось), то в СИБАС и ЕВРАС она

только *жестокая* 6, а у военных вообще отсутствуют оценочные эпитеты среди высокочастотных реакций.

4. Одна из отличительных особенностей ПВАС – высокая частотность реакции *победа* 19 при низкой частотности подобных реакций в других ассоциативных базах.

Не имея возможности в рамках одной статьи проанализировать выявленные нами все различия, рассмотрим первое из них – смена рангов реакций *мир* и *смерть*. Сравнивая ассоциативные базы трех поколений, можно заметить постепенное выдвижение реакции *смерть* на первое место. Если в САНРЯ реакция *смерть* расположена недалеко от периферии (4 реакции), то в РАС ее частотность значительно возросла (28 реакций), чтобы затем, ко времени составления ЕВРАС, СИБАС и ПВАС, занять ядро АП, оттеснив на второе место реакцию *мир*. По всей видимости, в сознании россиян за последние 40 лет произошли какие-то процессы, в результате которых война стала более прочно ассоциироваться со смертью.

Частотность реакции *мир* связана с дихотомией «война – мир», универсальность которой подтверждается иноязычными ассоциативными словарями. Самая частотная реакция во всех АП, соответствующих русскому АП ВОЙНА переводится на русский язык словом *мир* (как отсутствие войны): в британской ассоциативной базе (ЕАТ) – *peace* 41 (из 99 реакций АП), во французской (DAF) – реакция *paix* 152 (из 520), в испанской (Санчес Пуиг и др., 2001) – *paз* 155 (из 585). Второе слово в этих же источниках соответствует русскому слову *смерть*: *death* 9, *mort* 53, *muerte* 47. Ассоциативные эксперименты рассматриваемых нами иноязычных источников проводились не только в разных странах, но и в разное время (британский ЕАТ по времени соответствует САНРЯ, испанская ассоциативная база – РАС, французский DAF – ЕВРАС и СИБАС). Мы считаем, что это служит дополнительным обоснованием универсальности дихотомии «война – мир». Частотность реакции со значением «мир» настолько высока, что от нее значительно отстоит следующая по частотности реакция со значением «смерть». На этом фоне особенно заметны изменения, произошедшие в русском языковом сознании к моменту проведения экспериментов ЕВРАС и СИБАС, приведшие к тому, что два слова поменялись рангами в АП.

На рис. 1 показано соотношение частотности реакций *мир* и *смерть* в русских ассоциативных базах. Цифры по оси ординат соответствуют процентному соотношению между частотностью данной реакции и общим количеством реакций в АП. На рис. 2 показаны аналогичные данные иноязычных источников: британского (ЕАТ), французского (DAF), испанского (Санчес Пуиг и др., 2001).

Рис. 1. Частотность реакций *мир* и *смерть* на стимул ВОЙНА в русских ассоциативных базах

Fig. 1. Frequency of reactions *peace* and *death* given to stimulus WAR in Russian associative bases

Рис. 2. Частотность реакций *мир* и *смерть* на стимул *ВОЙНА* в иноязычных ассоциативных базах

Fig. 2. Frequency of reactions *peace* and *death* given to stimulus *war* in non-Russian associative bases

Этимологический анализ членов дихотомии «война – мир»

В отличие от других оппозиций, выделяемых в ядре русского языкового сознания («плохо – хорошо», «нет – есть», «хороший – плохой», «жизнь – смерть», «мужчина – женщина», «большой – маленький», «день – ночь» и др.), дихотомия «война – мир» характеризуется изменчивостью смысловой наполненности ее членов.

Этимологический анализ слова «мир»

Так, понятие «мир», согласно Ю. С. Степанову, в древности было «довольно далеко от современного понимания мира в дипломатическом смысле как отсутствия войны или прекращения войны; оно относилось, прежде всего, к “ладу” и “добрососедству” между “своими”» (Степанов, 2004. С. 88).

В современном русском языке существует два слова *мир*, считающихся омонимами: 1) *мир* – вселенная, система мироздания как целое; 2) *мир* – согласные отношения, спокойствие, отсутствие войны, ссоры. Ю. С. Степанов считает первичным фактом, относящимся к константам культуры, совмещение двух этих значений в одном слове. При этом в русской культуре такое совмещение сохраняется в большей степени, чем в других европейских культурах, где эти смысловые ряды разделены более резко. «Ядром этого соединения является концепт “Свой” в противопоставлении “Чужим, чужому”. “Мир” в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует “порядок”, “согласие между людьми”» (Степанов, 2004. С. 86–87).

Эти рассуждения подкрепляются этимологическим анализом слова *мир*. Согласно Ю. С. Степанову, это слово происходит от праиндоевропейского корня **mei-* «укреплять». Зубные расширители этого корня привели к возникновению слова *место* (из **moit-to*), которое первоначально означало «укрепленное и освященное место». Сонантные расширители

дали рождение словам *мир* (из **mei-* + *-r-*) и *мил*, *милый* (из **mei-* + *-l-*). Таким образом, этимологический анализ показывает, что ядро понятия «мир» включает в себя понятия «свои», «обитатели своей земли», «люди, связанные родственными, договорными или дружескими отношениями» (Степанов, 2004. С. 89).

Аналогичные понятия послужили основой латинского слова *pax*, которое означает не только «мир, как отсутствие войны», но также «спокойствие, мирный договор, милость (богов)» [Дворецкий, 2003. С. 559]. Слово *pax* происходит от праиндоевропейского корня **pak-* «укреплять, скреплять», изначально вбиванием кола, сваи; обнесением забором, оградой; в дальнейшем – договором, соглашением. Близкое отношение между понятиями «мир, отсутствие вражды» и «мир, хорошо обустроенное пространство» воплотилось в первые века нашей эры в термине *Pax romana* «римский мир», указывающий одновременно на территориальное образование (Рим и колонии) и на основу его стабильного существования (клятвы мира, которые приносили покоренные народы Риму). Во французском языке слово *pax* приобрело вид *paix*, в испанском – *paz*.

В середине XII в. слово *peis* (норманнский вариант старофранцузского слова *pais*) пришло в английский язык со значением «гражданское спокойствие», «мир в душе», вытеснив исконно английские *frið*, *sib*, *griþ*, *seht* (OED). В эпоху Великого сдвига гласных в английском языке (XV–XVI вв.) корневой гласный, подвергаясь общему процессу сужения звуков, стал произноситься на «ступеньку» выше с учетом перемещения языка в вертикальной плоскости: [ɛ:] → [e:] → [i:] [Шапошникова, 2009. С. 248]. В результате, к XVI в. это слово приобрело современное написание.

И русское слово *мир*, и латинское слово *pax* широко использовались в ареале христианской культуры в качестве элементов устойчивых словосочетаний (*Мир вам! С миром! Мир вашему дому! Pax vobis(cum)! Requiescat in pace*). В христианском понимании мир «есть нормальное благодатное состояние человеческой души, освобожденной от рабства греху, <...> состояние примиренности с Богом», которое психологически выражается во внутреннем порядке души (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, 2000). Теоретически, такое состояние человек может испытывать в любых условиях, даже в обстановке интенсивных боевых действий. Отсюда следует, что христианское понимание мира имеет лишь частичное отношение к дихотомии «война – мир». Слова *мир* и *pax* использовались в качестве перевода древнегреческого слова εἰρήνη, этимологию которого исследователи возводят к глаголу εἶρω «сплести, соединить» (Strong), что также указывает на первичность смыслового ряда «согласие, договор». Слово εἰρήνη применялось для перевода еврейского слова *шалом*, трехбуквенная основа которого ש-ל-ו (шин-ламед-мем) «означает результат действия совершенствования, т. е. “совершенство, завершенность”». Это не просто мир как отсутствие войны, а мир как достижение совершенства, гармонии, цельности» [Лемельман, 2000. С. 38]. Таким образом, первичность смысла «согласие, договор, цельность, гармония», вкладываемое в слово *мир*, наблюдается не только в индоевропейской семье. Арабский эквивалент еврейского корня – سلم «С-Л-М» (присутствующий в слове *ислам*) – используется не столько в контексте войны и мира, сколько в значении «спокойствия, безопасности, подчинения себя воле Всевышнего» [Churchill, Lewis, 2008. P. 8].

Этимологический анализ свидетельствует в пользу того, что слово *мир* в различных языках относительно недавно стало употребляться в основном современном значении «отсутствие войны».

Этимологический анализ слова «война»

Слово *война* происходит от праславянского *vojьna – соединения корня *вой* «воин» и суффикса *-ьна* (> *на*). Исследователи связывают праславянское слово с праиндоевропейским корнем **ueia-*, **uei-* «стремиться, помогать, гнаться». Эти смыслы засвидетельствованы в родственных языках: литовском *vejti*, *vyti* «гнать(ся), преследовать», санскрите *vēti* «находится позади, преследует, ведет (войско), гонит, наставляет», авестийском *vayeiti* «гонит, преследует», латинском *venor*, *-āri* «охотиться», древнеисландском *veiðr* «охота», древне-

верхненемецком *weida* «охота», греческом *ἔμαι* «стремлюсь, желаю», ирландском *fiad* «дичь» (Фасмер, 2009. С. 334–335; Преображенский, 2010. С. 90–91).

Английское слово *war* заимствовано из норманнского варианта старофранцузского языка (в древнеанглийском использовались слова *wig*, *guð*, *heado*, *hild*, *gewin*). Норманнское слово *werre* «война» имело старофранцузскую параллель *guerre* «трудность, спор, соперничество, бой, война». Во французский язык (как и в испанский) это слово пришло из франкского **werra*. Романские народы стали использовать германское слово вместо латинского *bellum* «война», возможно, в стремлении избавиться от омонимии со словом *bello* «красивый». Франкское слово связано с прагерманским **werz-a-* (от него произошло современное немецкое *verwirren* «запутывать, сбивать с толку»), которое, в свою очередь, восходит к праиндоевропейскому корню **wers-* «запутывать, смешивать» (OED).

Этимологический анализ показывает, что в романских и германских языках понятие «война» изначально связано со смысловым рядом «путаница, смешение». В то же время противоположные смыслы «гармонии, целостности» этимологически наполняют понятие «мир». В славянских, балтийских, индоиранских языках этимологически понятие «война» слабее коррелирует с понятием «мир», так как наполнено смыслами «охота, преследование». Возможно, в этом кроется одна из причин того, что дихотомия «мир – война» не проявляет такой прочной устойчивости в русском языковом сознании, как это наблюдается в языковом сознании европейцев, где рассматриваемая оппозиция неизменно сохраняет высокую степень актуальности на протяжении нескольких лет.

Историческому изменению подверглась не столько семантическая наполненность слова *война*, сколько отношение к выражаемому этим словом явлению. «Отношение к войне как к занятию, достойному настоящего мужчины, было присуще большинству обществ, которые в процессе своего исторического развития проходили стадию родоплеменного строя и военной демократии» [Басов, 2005. С. 92]. Широкое распространение представлений о войне как о зле, равно как и ценность мира, актуализировались лишь в XX в.

Ассоциативные эксперименты САНРЯ и РАС проводились на фоне официальной советской риторики борьбы за мир, а затем обнадеживающего окончания холодной войны. Однако последующие исторические события показали, что перспектива мира без войны по-прежнему остается отдаленной. Возможно, получившее в широких слоях населения ощущение иллюзорности общего мира повлияло на то, что в сознании носителей русского языка война стала чаще восприниматься в отрыве от своего антонима и в большей степени ассоциироваться со злом, которое она несет, – смертью. В ассоциативно-вербальной сети ЕВРАС, СИБАС и ПВАС это отразилось в ослаблении интенсивности реакции *мир* и усилении частотности реакции *смерть*.

Заключение

Наше исследование показало, что, хотя слово *война* относится к базовому лексическому фонду, в сознании средней языковой личности это понятие не является актуальным. Исключение составляют военные профессионалы, для которых слово *война* относится к ядру ассоциативных доминант, т. е. образует большое количество связей. В целом, анализ ассоциативно-вербальной сети не выявляет каких-то патологически воинственных настроений. Война воспринимается носителями русского языка как негативное явление, что вселяет уверенность в преобладании миролюбивых черт в национальном характере.

Список литературы / References

- Басов И. И. Западноевропейское рыцарство XII–XV вв. в евразийском историко-культурном контексте: этика противоборства (опыт сравнительно-исторического исследования): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Армавир, 2005. 259 с.
Basov, I. I. Western European chivalry in XII–XV centuries in the Eurasian historical and cultural context: the ethics of confrontation (the experience of comparative historical research). Cand. Phil. Sci. Diss. Armavir, 2005, 259 p. (in Russ.)

- Бердяев Н. А.** Философия неравенства / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. 624 с.
Berdyaev, N. A. Philosophy of inequality. Moscow, Institut russkoj tsivilizatsii, 2012, 624 p. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 185–275.
Hegel, G. W. F. On the Scientific Ways of Treating Natural Law, on its Place in Practical Philosophy, and its Relation to the Positive Sciences of Right. In: Politicheskie proizvedeniya. Moscow, Nauka, 1978. P. 185–275. (in Russ.)
- Достоевский Ф. М.** Полн. СОБР. соч. и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель. 407 с.
Dostoevskiy, F. M. Complete works and letters. Leningrad, Nauka, 1981, vol. 22, 407 p. (in Russ.)
- Залевская А. А.** О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. С. 28–44.
Zalevskaya, A. A. On an integrated approach to the study of the laws governing the functioning of the human language mechanism. In: Psiholingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki. Kalinin, Kalinin State University, 1981. P. 28–44. (in Russ.)
- Залевская А. А.** Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 208 с.
Zalevskaya, A. A. Word in the human lexicon: psycholinguistic research. Voronezh, Voronezh University Publ., 1990, 208 p. (in Russ.)
- Кант И.** Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
Kant, I. Works. Moscow, Mysl', 1966, vol. 6, 743 p. (in Russ.)
- Караулов Ю. Н.** Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
Karaulov, Yu. N. Active grammar and associative-verbal network. Moscow, Institute of Russian Language RAS, 1999, 180 p. (in Russ.)
- Караулов Ю. Н.** Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.
Karaulov, Yu. N. Indicators of national mentality in the associative-verbal network. In: Yazykovoe soznanie i obraz mira. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2000, p. 191–206. (in Russ.)
- Лемельман Й.** Практическая грамматика иврита для всех. Хеврон Израиль: Ахаз, 2000. Ч. 1. 128 с.
Lemelman, J. Practical grammar of Hebrew for all. Hebron, Israel, Ahaz, 2000, part 1, 128 p. (in Russ.)
- Леонтьев А. А.** Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 16–21.
Leontiev, A. A. Language consciousness and the image of the world. In: Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 1993, p. 16–21. (in Russ.)
- Мальтус Т. Р.** Опыт о законе народонаселения. Петрозаводск: Петроком, 1993. 136 с.
Malthus, T. R. An Essay on the Principle of Population. Petrozavodsk, Petrokom, 1993, 136 p. (in Russ.)
- Ницше Ф.** Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.
Nietzsche, F. Thus Spoke Zarathustra. Moscow, Mysl', 1990, p. 5–237. (in Russ.)
- Орехов А. М.** «Вечный мир» или «вечная война»? (И. Кант vs К. Клаузевиц) // Пространство и время. 2014. № 3 (17). С. 62–66.
Orehov, A. M. «Eternal peace» or «eternal war»? (I. Kant versus C. Clausewitz). *Prostranstvo i vremya*, 2014, no. 3 (17), p. 62–66. (in Russ.)
- Соловьев В. С.** Спор о справедливости: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1999. 190 с.
Soloviev, V. S. The dispute about justice. Moscow, EKSMO-Press, Kharkov, Folio, 1999, 190 p. (in Russ.)
- Тарасов Е. Ф.** Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.
Tarasov E. F. Actual problems of the analysis of language consciousness. In: Yazykovoe soznanie i obraz mira. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2000, p. 24–32. (in Russ.)

- Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. 398 с.
Traktaty o vechnom mire [Treatises on the Eternal Peace]. Comp. by I. S. Andreeva, A. V. Gulyga. St. Petersburg, Aleteya, 2003, 398 p. (in Russ.)
- Уфимцева Н. В.** Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.
Ufimtseva, N. V. Language consciousness: dynamics and variability. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2000, 252 p. (in Russ.)
- Уфимцева Н. В.** Значение слова как отражение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 83–92.
Ufimtseva, N. V. The meaning of the word as a reflection of sociocultural reality. *Voprosy psiholingvistiki*, 2015, no. 3 (25), p. 83–92. (in Russ.)
- Фрейд З.** Неизбежна ли война? // По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 325–337.
Freud, S. Why war? In: *Beyond the Pleasure Principle*. Moscow, Progress, 1992, p. 325–337. (in Russ.)
- Фромм Э.** Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
Fromm, E. The Anatomy of Human Destructiveness. Moscow, Respublika, 1994, 447 p. (in Russ.)
- Черкасова Г. А.** Динамическая ассоциативно-вербальная модель языкового сознания носителей русского языка // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2014. № 17. С. 405–414.
Cherkasova, G. A. Dynamic associative-verbal model of linguistic consciousness of native speakers of the Russian language. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*, 2014, no. 17, p. 405–414. (in Russ.)
- Шапошникова И. В.** История английского языка: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. 506 с.
Shaposhnikova, I. V. History of the English language. Manual. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2009, 506 p. (in Russ.)
- Шапошникова И. В.** Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 124–145.
Shaposhnikova, I. V. Motivational basis of the education reform and professional identification of the Russian language personality. *Voprosy psiholingvistiki*, 2017, no. 4 (34), p. 124–145. (in Russ.)
- Churchill, B. E., Lewis, B. E.** Islam: The Religion and the People. FT Press, 2008, 256 p.
- Fearon, J. D.** Rationalist Explanations for War. *International Organization*, 1995, no. 49 (3), p. 379–414.
- Fry, D. P., Söderberg, P.** Lethal Aggression in Mobile Forager Bands and Implications for the Origins of War. *Science*, 2013, vol. 341, p. 270–273.
- Fuller, G.** The Youth Factor: The New Demographics of the Middle East and the Implications for U.S. Policy. Washington, D.C., The Saban Center for Middle East Policy at the Brookings Institution, 2003, 42 p.
- Fuller, G.** The Youth Crisis in Middle Eastern Society. Clinton Township, Michigan, Institute for Social Policy and Understanding, 2004, 13 p.
- James, P., Friedman, J.** Globalization and Violence. London, Sage Publications, 2006, vol. 3: Globalizing War and Intervention, 359 p.
- Joost, A. M., Meerloo, M. D.** The Rape of the Mind: The Psychology of Thought Control, Menticide, and Brainwashing. Progressive Press, 2009, 326 p.
- Šmihula, D.** The Use of Force in International Relations. Bratislava, Veda, 2013, 309 p.
- Smalley, R. E.** Future Global Energy Prosperity: The Terawatt Challenge. *MRS Bulletin*, 2005, vol. 30, p. 412–417.
- Turnbull, C.** The Forest People. New York, Touchstone Books, 1987, 320 p.

Список источников / List of Sources

- Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз.-Медиа, 2003. 846 с.
Dvoretsky, I. Kh. Latin-Russian Dictionary. Moscow, Rus.yaz.-Media, 2003, 846 p. (in Russ.)
- ЕВРАС – **Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.** Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 24.08.2018).

- Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS, 2014. G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva (Comp.). URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (accessed 24.08.2018). (in Russ.)
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. VIII. Война и мир. М., 2000. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/viii/> (дата обращения 24.08.2018).
Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. VIII. War and peace. Moscow, 2000. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/viii/> (accessed 24.08.2018). (in Russ.)
- Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка: А-О. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 720 с.
Preobrazhenskiy, A. G. Etymological dictionary of the Russian language: A-O. Moscow, LKI, 2010, 720 p. (in Russ.)
- РАС – Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: Астрель, 1994, Т. 1; 1998. Т. 2. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 24.08.2018).
Russian associative dictionary. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimceva, G. A. Cherkasova. Moscow, Astrel', 1994, 1998. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 24.08.2018). (in Russ.)
- Санчес Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А.** Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва, Мадрид: Азбуковник, 2001. 496 с.
Sanchez Puig, M., Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A. Associative norms of Spanish and Russian languages. Moscow, Madrid, Azbukovnik, 2001. 496 p. (in Russ. and Spanish)
- САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 192 с.
Dictionary of associative norms of the Russian language. Ed. by A. A. Leontiev. Moscow, Moscow State University, 1977. 192 p. (in Russ.)
- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) / Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 24.08.2018).
SIBAS – Russian regional associative database (2008–2015). I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comp.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 24.08.2018). (in Russ.)
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
Stepanov, Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, Akademicheskij proekt, 2004. 992 p. (in Russ.)
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А–Д: ок. 4000 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2009. 588 с.
Fasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Moscow, Astrel': AST, 2009, vol. 1, 588 p. (in Russ.)
- DAF – Dictionnaire associatif du français (2008–2010). Comp. by M. Debrenn, N. V. Ufimtseva, A. A. Romanenko. URL: <http://dictaverf.nsu.ru> (accessed: 24.08.2018).
- EAT – **Kiss, G., Armstrong, C., Milroy, R.** The associative thesaurus of English. Edinburgh: Univ. of Edinb., MRC Speech and Communication Unit, 1972. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/?q=en/Textual%20Resources/EAT> (accessed: 24.08.2018).
- OED – Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 24.08.2018).
- Strong, J.** The Exhaustive Concordance of the Bible, 1890. URL: <http://www.sacrednamebible.com/kjvstrongs/index2.htm> (accessed: 24.08.2018).

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
03.09.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Кафтанов Роман Анатольевич, аспирант Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Roman A. Kaftanov, post-graduate student, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

rk76@ngs.ru